

Г. В. Жирнова

РУССКИЙ ГОРОДСКОЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

С 1964 г. сектор восточнославянской этнографии Института этнографии АН СССР начал проводить систематическое исследование культуры и быта городского населения в прошлом (середина XIX — начало XX в.) и в настоящем. В программу этих исследований входит вся область духовной культуры и социальных отношений и, в частности, изучение городского свадебного обряда как одной из интереснейших сторон народного быта.

К сожалению, свадебный обряд русского городского населения до сих пор почти не привлекал к себе внимания этнографов. В научной литературе нет не только ни одного специального исследования о городской свадьбе, но отсутствует даже сколько-нибудь полное описание ее, если не считать отдельных кратких упоминаний, встречающихся в различного рода дореволюционных изданиях. Между тем тщательное и всестороннее изучение свадебных обычаев и обрядов городского населения представляется необходимым как для выявления специфических черт городского бытового уклада, так и для правильного и более полного представления о национальных особенностях культуры и быта народа в целом.

Городская свадьба так же, как и крестьянская, представляет большой интерес с точки зрения общетеоретических вопросов этнографической науки. Эти обряды и обычаи образуют сложный комплекс, многогранно отразивший социально-экономические отношения и религиозные представления народа в различные исторические эпохи, а также быт и семейные отношения.

Уже первые шаги в исследовании городского свадебного цикла, выявление в нем отдельных элементов традиционной свадебной обрядности, определение степени бытования их в различной социальной среде, а также выделение общегородских и локальных особенностей поможет яснее представить этническую принадлежность городского населения, проследить источники его пополнения, а также правильно понять процесс социально-бытовой дифференциации и интеграции в городе в прошлом и настоящем¹. Изучение городского свадебного обряда, начиная с конца XIX — начала XX в., дает возможность правильно понять его современное состояние и пути дальнейшего развития обряда в нашем обществе, что важно с практической стороны в связи с работой, проводимой советскими государственными и общественными организациями по созданию новой свадебной обрядности.

За время стационарного изучения культуры и быта в городах Калуге, Ельце (Липецкой области), Ефремове (Тульской области) и рекогносцировочных работ в г. Новомосковске (Тульской области) собран

¹ Попытка такого рода исследования была сделана В. Ю. Крупянской (см. раздел «Семья и семейный быт» в кн. «Народы Европейской части СССР», т. 1, М., 1964, стр. 473—478).

интересный материал как по дореволюционному городскому свадебному обряду (конца XIX — начала XX в.) с различными локальными и социально-сословными особенностями, так и по современному состоянию свадебного обряда и тем изменениям, которые произошли в нем за годы Советской власти.

Настоящая статья посвящена дореволюционному городскому свадебному обряду конца XIX — начала XX в. К сожалению, нам придется ограничиться в ней лишь обрядовой стороной, не касаясь свадебного фольклора, который значительно слабее представлен в имеющихся экспедиционных материалах. Основные задачи нашей работы сводятся к следующему: 1) сделать общее описание дореволюционного городского свадебного обряда конца XIX — начала XX в.; 2) выделить различные варианты в свадебном обряде, обусловленные классовой и сословной неоднородностью населения капиталистического города; 3) выявить традиционные крестьянские черты в городском свадебном обряде; 4) проследить локальные особенности в свадебном обряде изучаемых городов; 5) попытаться выявить городские традиции и их место в свадебном обряде различных слоев городского населения в изучаемый период.

Городской свадебный цикл конца XIX — начала XX в., так же как и традиционный крестьянский, состоял из трех основных этапов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного. Каждый из этих этапов сопровождался определенными обычаями и обрядами, которые бытовали в городах в различных вариантах, что было обусловлено не только локальными особенностями этнической среды отдельных городов, но и сложной социальной структурной населения дореволюционного города.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в конце XIX — начале XX в. в Ельце, Ефремове и Калуге браки, как правило, заключались по воле родителей и по сватовству. Можно выделить следующие варианты обряда: 1) сватовство, совершавшееся особыми лицами — свахами-профессионалками; 2) сватовство, производившееся ближайшими родственниками со стороны жениха; 3) сватовство, при котором роль свата играл сам отец жениха. В проведении сватовства, как и всего свадебного обряда, нашла яркое отражение социальная топография дореволюционного города. Так, для центральной части всех перечисленных городов, где в основном расселялись крупные чиновники, купцы, богатые промышленники и зажиточные мещане, наиболее типичным было сватовство с помощью свах-профессионалок. Интересный материал о свахах-профессионалках нам удалось собрать по Калуге и Ельцу, где свахи были известны под различными кличками («Топориха», «Дегтярный помазок», «Ильинишна», «Гапшина») и составляли как бы целую группу. Внутри этой группы свахи различались по имущественному положению, что определяло и тот сословно-социальный круг, в котором сваха могла показать свое «искусство». Так, в Калуге самой ловкой свахой была Топориха, она сватала исключительно в купеческом сословии. Сваха хорошо знала всех женихов и невест «своего» круга, их брачный возраст, брачные условия, которые ставила та или другая сторона, а также помнила росписи приданого, которое давали за невестой. В росписи приданого перечислялось все, что давали за девушкой, включая движимое и недвижимое имущество². Сваха обычно передавала эту роспись отцу жениха в момент сватовства. Как видно из наших материалов, роспись приданого широко применялась в купеческих и зажиточных чиновничьих семьях. В среде ремесленников, рабочих, мелких торговцев, поденщиков о приданом договаривались чаще всего устно. Это объяснялось в основном преобладающей малограмотностью населения, а также тем, что приданое здесь обычно было гораздо меньших размеров.

² Это нашло отражение и в сюжетах русских лубочных картинок. См. Д. А. Ровинский, Русские народные картинки, СПб., 1900, т. 1, стр. 101—108, рис. 124.

Большие надежды на свах-профессионалок возлагали в подыскании женихов для невест, засидевшихся «в девках», а также в тех случаях, когда семьи особо преследовали меркантильные цели.

В случае, если дело «связывалось», сваха получала вознаграждение. Размеры его зависели от зажиточности семьи, в которой происходило сватовство, но, как правило, оно было не меньше 10 рублей, а в купеческих семьях доходило до 25 рублей. Кроме того, заинтересованная в сватовстве сторона дарила свахе кашемировую шаль, которая со временем приобрела своеобразное символическое знание. Так, об упомянутой «Топорихе» говорили: «К ней пойдешь, не пропадешь, у нее сундук шалей высватан». Чем больше было у свах «высватанных шалей», тем популярнее она была в городе и большим уважением пользовалась среди свах.

На окраине Калуги среди поденщиков, ремесленников, мелких торговцев функция сватовства принадлежала исключительно родственникам жениха по мужской линии. Иногда сватом был отец жениха, реже в этой роли выступал его крестный отец. В Ельце и Ефремове в тех же социальных кругах роль свахи («сватуньки») исполняла старшая женщина из родни жениха. В елецких слободах (Аргамач, Черная, Ламская), население которых хоть и было приписано к мещанскому сословию, но главным образом занималось сельским хозяйством, сватала также старшая женщина из родни жениха.

В этих же слободах существовал обычай, широко бытовавший среди крестьян, — во время сватовства садиться непременно под «матку» — матицу, чтобы дело прочнее связалось. Наши материалы свидетельствуют, что независимо от того, в какой социально-сословной группе происходит сватовство, традиционная формула сватовства оставалась одинаковой: «У вас есть товар, а у нас купец, давайте торговаться, у вас есть куничка, а у нас охотник» или «Я к вам пришла не пировать, не столовать, а с добрым делом — со сватаньем. У вас есть невеста, а у меня — жених, станем родство заводить».

В первый день сватовства в случае согласия «начать дело» договаривались о дне «смотрины», которые, как правило, устраивали через неделю после сватовства в доме невесты. Смотрины в различной социально-сословной среде не были одинаковыми — они различались прежде всего по значению, которое придавалось этому событию, затем — по составу участников и, наконец, по процедурной стороне.

Так, в купеческой и зажиточной мещанской среде смотрины распались как бы на две части: знакомство жениха и невесты и торг свахи с отцом невесты.

На смотринах присутствовали обязательно невеста со своими родителями, жених и сваха. Начинались смотрины с чаепития, во время которого как бы происходило знакомство жениха и невесты (нередко случалось, что это было их первое знакомство). После окончания «чаепития» отец невесты и сваха переходили в другую комнату, где совершался «торг». На «торгу» сваха договаривалась с отцом невесты о приданом и особенно о той денежной сумме, которую давали за невестой. В купеческих семьях это была значительная сумма, доходившая до 1000 рублей. Недаром на этот счет существовала поговорка: «Невесту замуж отдать, надо дом продать».

Обо всем, что должна была выторговать сваха, она заранее сговаривалась с отцом жениха. Случалось, что дело расстраивалось, если «роспись приданого» и денежная сумма не соответствовала желаниям отца жениха.

На городских окраинах, а также в слободах смотрины проходили несколько иначе, в них сохранялась более традиционная форма, характерная для деревень и сел изучаемого района. Так, в Калуге независимо от того, кто выполняет функции сватовства, на «смотринах» обязательно присутствовали родители обеих сторон. В Ельце и Ефремове на

смотринах («глядешках»), кроме родителей жениха и невесты, обязательно присутствовали старшая сестра жениха или близкая родственница. Невеста в течение всего вечера была главным действующим лицом, сохраняя, однако, по традиционному обычаю молчание и переодеваясь в лучшие свои платья до трех раз. Соблюдался и обряд испытания невесты. Иногда мать жениха спрашивала: «А ловка ли девка?» — тогда невеста брала веник и делала вид, что метет пол. Если невеста была кружевницей, то, чтобы показать ловкость, перекидывала из руки в руку коклюшки, а затем выносила кружева, сплетенные для венчального полотенца. Вышивальщицы Калуги показывали гостям вышитое венчальное полотенце.

Появление на смотринах обряда «испытания невесты» можно было бы расценивать как результат перемещения и некоторой трансформации обрядовых действий, вызванных общей тенденцией разрушения свадебного обряда³. Нам же представляется, что существование этого обряда именно на смотринах во многом определялось специфическими условиями жизни и быта кустарей. Очевидно, проверять профессиональные навыки девушки, ее способности к ремеслу было бесполезным, так как женщина в среде городского пролетариата вынуждена была зарабатывать деньги своим трудом, чтобы подчас кормить не только себя, но и всю семью. С другой стороны, «испытания невесты» как часть обряда знакомства с будущими родственниками в условиях города были важны из-за большей чем в деревне замкнутости и разобщенности населения.

На смотринах сохранялся традиционный обычай, по которому жених и его родители обязательно выходили в сени или на крыльцо, где «обменивались мнениями о невесте», даже если они хорошо знали ее.

Торг в этом варианте «смотрины» отсутствовал. Зато соблюдались традиционные «невестины дары» для жениха и его ближайших родственников. Для жениха невеста должна была приготовить определенное количество рубашек, две пары белья, брюки, для матери жениха — ткань на платье, для отца жениха — рубашку, остальных родственников одаривала платками. Как правило, все эти вещи невеста покупала в магазинах, а не шила сама, как это было в крестьянской среде⁴.

Договорившись о невестиных дарах, обычно переходили к выпивке, в которой принимали участие все присутствующие на смотринах, кроме жениха и невесты, — им «не положено было в этот момент и глаз взрослым казать». Интересно также, что вино для выпивки приносил обязательно отец жениха. Последнее встречалось в деревнях и селах изучаемого района.

Обязательными в свадебном цикле был также «сговор», который иногда называли «благословением» или «образованием».

В купеческой и зажиточной мещанской среде в этот день происходило официальное знакомство родителей жениха и невесты, после чего совершался обряд благословения. В купеческих семьях жениха и невесту благословлял, как правило, священник. Он же присутствовал и при отдаче выговоренных за невестой денег, которые передавал отец невесты отцу жениха сразу же после совершения обряда благословения.

У жителей окраины города на «образовании» обязательно присутствовали близкие родственники. Благословляли жениха и невесту родители, после чего происходил традиционный обмен хлебом и солью. В Калуге «образование» обязательно заканчивалось «пропоем» невесты. Иногда «пропой» продолжался и на следующий день, тогда при-

³ В крестьянском свадебном цикле, как известно, существовал обряд «испытания молодой», который фигурировал обычно в послесвадебном этапе.

⁴ Н. И. Гаген-Торн, Свадьба в Салтыковской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии, в сб. «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю». М., 1926, стр. 174—175.

глашали и дальнюю родню. Надо сказать, что «запойны», или «пропой» широко бытовали среди сельского населения Калужской губернии, и в зависимости от зажиточности крестьянской семьи они могли продолжаться в течение двух недель. В елецких же слободах и на окраине Ельца в этот день сразу же после родительского благословения невеста выходила на крыльцо и объявляла парням и девушкам, собравшимся возле ее дома, о своей помолвке⁵. Вечером вся молодежь слободы собиралась у выгона, где парни и девушки играли в «горелки» или в догонялки, а жених угощал всю молодежь пряниками (обязательно медовыми), которые в особых формах пекла мать жениха. Заканчивалось веселье катанием нареченных на лошадях, украшенных бубенцами.

Таким образом, помолвка получала общественную огласку. В то же время жених и невеста помимо родительского благословения получали как бы общественную санкцию на брак, после чего отказаться от брака не могла ни одна из сторон.

Большое значение в городе имело «церковное оглашение»⁶. Совершалось оно обычно недели за две до свадьбы. В церкви по окончании литургии священник объявлял имена желающих вступить в брак. Делалось это для того, чтобы выявить, не существует ли каких-либо помех для брака.

В отличие от крестьянского свадебного цикла девичник для города не был характерен, хотя в некоторых профессиональных группах, очевидно в силу большей связи их с деревней (кружевницы Ельца, вышивальщицы Калуги), традиционный девичник устраивали накануне свадьбы. Для этого подруги невесты нанимали отдельный дом, пекли там сладкие «клубцы» (печенье в виде перевитых одно с другим колец) и угощали парней, а те приносили им баранки и орехи⁷. На девичниках в Калуге была обязательной наряженная елочка, как символ невестинной «красоты». После девичника елочка становилась собственностью жениха, и он уносил ее домой. У елецких же кружевниц «красота» выступает в виде белого полотенца с кружевной прошивкой, которую плела сама невеста. На протяжении всего девичника невеста сидит, покрытая этим полотенцем. После окончания девичника самая близкая подруга невесты дарит это полотенце жениху, говоря при этом: «Была „красота“ наша веселая да игривая, теперь будет ваша, любите ее так же, как мы ее любили, живите с нею так же дружно, как мы жили». Жених брал полотенце, прятал его за пазуху, кланялся и уходил в сопровождении друзей. Таким образом, в этой среде сохранялся обряд с традиционной символической «красотой», широко бытовавший среди крестьянского населения.

В городском свадебном цикле, так же как в крестьянском, важным моментом был перевоз приданого и постели невесты в дом молодых. В социально неоднородной среде дореволюционного города эта часть свадебного обряда сопровождалась у различных групп населения своими обычаями и обрядами, а также отличалась по составу действующих лиц.

Так, в купеческой среде приданое перевозили женщины, которых возглавляла сваха-профессионалка или тетка невесты, предпочтительно старшая сестра матери. Из мужчин к этому делу допускались только

⁵ Такой же обычай существовал в г. Перемышле Калужской губ. и в некоторых городах Орловской губ. Объявление о помолвке встречалось подругами хлопаньем в ладоши и ударами в медный таз. См. Д. К. Зеленин, Описание рукописей учебного архива Императорского Русского Географического общества, Пг., 1915, вып. 2, стр. 585, 956.

⁶ «Оглашение» окончательно было введено указом от 5 августа 1778 г. «О мерах к отвращению незаконных браков». См. А. Савельев, Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа, Нижний Новгород, 1881, стр. 28—29.

⁷ Такой же обычай существовал в г. Перемышле Калужской губ. См. Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 585.

«мужики-ломовики», нанятые для переноски тяжелых вещей. Перевозили приданое обязательно на пяти крытых подводах. Этот поезд назывался «постельным». На первой подводе везли икону и самовар, около которого сидел мальчик-«блюдник»⁸ и держал в руках поднос с огромной «головкой» сахара, украшенной лентой, и пачкой чая, завернутой в шелк; на второй подводе везли серебряную солонку, которую держала в руках крестная мать, и фарфоровую посуду; третья подвода предназначалась только для перевозки постели невесты, например: пуховая перина, два атласных одеяла, четыре подушки больших, четыре маленьких, шесть простыней, шесть пододеяльников и т. д. На четвертую укладывали плюшевый ковер и мебель, и, наконец, на пятой повозке ехала тетка невесты, а иногда мать, которая везла «роспись приданого». Там же сидела сваха, державшая в руках живую индюшку, украшенную ленточками и чепчиком.

Встречала приданое мать жениха или его старшая сестра (обязательно замужняя). Той, которая встречала «постельный» поезд, полагалось дарить материю на платье, а сваха вручала и ряженую индюшку. Случалось, что мать жениха принимала приданое строго по росписи, проверяя каждую вещь. Постель, как правило, стелила для молодых тетка или сваха, пряча под перину яйцо (вареное, а иногда деревянное расписное), «чтобы у молодых детки родились».

У населения окраин города, как уже указывалось выше, приданое не достигало больших размеров; часто его без особой торжественности перевозили на одной подводе, а иногда просто переносили на руках. Зато перевоз или перенос постели в дом жениха сопровождался здесь обилием игровых моментов: выкуп постели, пляска свахи с ряженой курицей, пение эротических частушек и другие игры, характерные, кстати сказать, для традиционного крестьянского свадебного цикла. Сохранялись в городском цикле и традиционные названия участников этой церемонии. Так, на окраине Калуги среди лотошников, кузнецов, вышивальщиц постель отвозили женщины — «пировые», на окраине Ельца и Ефремова их называли «приданками», а сваха, возглавлявшая поезд с приданым, называлась «постельной» свахой.

Таковы в основном обычаи и обряды, совершавшиеся на предсвадебном этапе городского свадебного цикла. Что касается дня свадьбы, то, пожалуй, самым важным обрядом, из всех происходящих в этот день, горожане считали венчание, которое, между прочим, в деревенской свадьбе просто терялось среди обилия обрядов, совершавшихся как до, так и после него.

По городскому обычаю, в день венчания жених присылал невесте через сваху или свою тетку шкатулку, в которой лежала фата, восковые цветы, венчальные свечи, белые перчатки, гарнитур гребенок, иголки, булавки и т. п. Очевидно, в купеческой среде, где нормы «домостроя» выполнялись особенно строго, этот обычай бытовал очень давно: еще в XVI в. даже в высших сословиях жених обязательно присылал невесте ларчик, в котором, кроме всего прочего, как символ будущей власти лежала плетка⁹. С этим же, вероятно, связана и важность обряда венчания, второстепенного в деревнях, где прочнее держались древние, быть может еще дохристианские свадебные обряды.

Купцы, крупные чиновники покупали для невесты дорогие резные музыкальные шкатулки, те, кто победнее, — простые деревянные, а в Ельце, на окраинах, шкатулку обычно делал из бересты сам жених. После того как приносили шкатулку, тетка невесты — «снарядиха» начинала одевать невесту к венцу, она же причесывала ее, делая так на-

⁸ Мальчиком-«блюдником» мог быть и младший брат невесты, или ближайший родственник.

⁹ Д. Языков, О старинных свадебных обрядах у русских, «Библиотека для чтения», СПб., 1834, т. 6, стр. 3.

зываемую греческую прическу¹⁰. Сохранялся традиционный обычай, согласно которому невесту обувал обязательно мальчик (брат или ее близкий родственник). В купеческих семьях в туфлю невесты вкладывали золотой. Нами записан интересный обычай, который бытовал в среде елецких кружевниц и вышивальщиц Калуги. Невеста, одеваясь к венцу, в качестве оберега от порчи прикалывала к нижней юбке кусочек своей первой вышивки или обвязывалась вокруг талии тонким поясом первого плетения. Существовал этот обычай и в некоторых городах Орловской губернии, где невесту, собирающуюся к венцу, опоясывали «учебную упряжью», т. е. тем, что она напряла в первый раз. По поверью, считалось, что эта пряжа обладает магической силой охранить, сберечь невесту от порчи (между прочим, этой же пряжью лечились и от головной боли)¹¹.

Во всех социально-сословных городских группах сохранялась традиционная роль дяди при одевании к венцу жениха; дядя вкладывал в правый ботинок или в сапог жениха монету, в купеческих семьях в этот момент он также вручал жениху плетку — знак власти над будущей женой.

Известно, что в крестьянском свадебном цикле большую роль играли обычаи и обряды, связанные с приездом свадебного поезда жениха в дом невесты: преграждение дороги женихову поезду, запираание ворот отцом невесты, продажа ворот, откуп места для жениха около невесты; интересными обычаями сопровождалось и отправление свадебного поезда к венцу: плач подруг невесты, объезд дружкой свадебного поезда и т. д. Невеста и жених ехали к венцу обычно одним свадебным поездом, но на разных подводах. Обычно «дружка» со своими «полудружками» или «поддружьями» украшал свадебный поезд цветами и обязательно «колокольцами», чтобы их звон отпугивал «нечистую силу».

По городской же традиции, жених и невеста ехали разными поездами и порознь. Невеста ехала в пролетке в сопровождении свахи или тетки, за ними в коляске ехали девушки «провожатки», вслед за ними шаферы невесты (их могло быть двое и трое). Жених со своими шаферами и друзьями приезжал раньше и ждал невесту около церкви. Шаферами обычно были холостые парни; они держали в церкви венцы над четой. Такой свадебный чин существовал у всех групп городского населения. Наши материалы свидетельствуют, что иногда роль шафероз исполняли девушки, которых называли шаферицами. Некоторые дореволюционные авторы указывают, что в древнерусских свадьбах шаферами даже чаще были девушки¹².

В деревнях и селах шаферов называли «полудружьями», «поддружьями» или «прислужниками», «помощниками» — они были в непосредственном подчинении у дружки, без которого не обходилась ни одна деревенская свадьба. В городе этот свадебный чин встречался лишь на окраинах, чаще всего в свадьбах вышивальщиц и кружевниц (по-видимому, сохранявших более тесную связь с деревней), но он почти не играл своей традиционной роли.

Обряд венчания был пышен и торжествен. Горожане сходились смотреть на него, как на красивое зрелище. Поэтому нередко на венчальную церемонию богатых горожан гости приглашались по специальным пригласительным билетам, что до какой-то степени ограничивало наплыв посторонних в церковь. По городской традиции, если свадьба совершалась весной или осенью, путь молодым от церкви до свадебного поезда устилали цветами, их покупали тут же у цветочниц или у маль-

¹⁰ Волосы поднимались вверх, стягивались на затылке и укладывались жгутом, вокруг которого вкалывали многочисленные гребенки и к которому прикрепляли фату.

¹¹ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 956.

¹² Н. И. Остроумов, Свадебные обычаи и обряды в древней Руси, Историко-этнографический очерк, Тула, 1905, стр. 26.

чишек, которые притаскивали к церкви вороха полевых цветов. В купеческих свадьбах для жениха и невесты стелили ковровую дорожку от поезда до церкви.

После венчания все возвращались к свадебному поезду, который к этому времени уже был украшен цветами. Мы не можем пока твердо сказать, существовало ли в городской свадьбе определенное лицо, в обязанности которого входило украшать свадебный поезд¹³. Очевидно, существовало, так как имеющиеся в наших экспедиционных материалах сведения указывают на то, что в конце XIX в. на купеческих свадьбах сохранялся обычай, по которому поезд непременно должна была украшать дальняя родственница со стороны жениха, в то время как у крупных чиновников и других богатых горожан это делал кучер за дополнительную плату. У городской же бедноты поезд украшал дружка (если он фигурировал на свадьбе), но чаще это делали мальчишки той улицы, где жили жених или невеста, за что они могли прийти посмотреть «бал».

Для крестьянского свадебного поезда, согласно обычаю, обязательно брали чужих лошадей, число которых могло быть разным, но непременно нечетным. В городе существовала та же традиция. Даже богачи, имевшие свои конюшни, для свадебного поезда всегда нанимали чужих лошадей.

Свадебный поезд, возвращаясь из церкви, сначала проезжал по центральным улицам, затем объезжал город по кругу и только после этого направлялся в дом, где устраивался «бал» (такое название свадебного веселья бытовало во всех социально-сословных группах городского населения; встречалось также традиционное название «пир», «свадьба»).

Наиболее богатые купцы, мещане и крупные чиновники обычно устраивали «бал» в ресторане. Те же самые социальные группы, но с меньшим достатком, праздновали «бал» дома, а для обслуживания приглашали из ресторана официантов.

На окраине города и в елецких слободах «бал» («пир», «свадьба») происходил обычно в доме жениха, но иногда нанимали отдельную избу. Возвращавшихся из церкви молодых встречали всегда музыкой. В богатых семьях для этого нанимали оркестр, на окраине же города около дома ставили граммофон и заводили пластинки.

Из наших материалов видно, что в городе, как правило, отсутствовали обычаи и обряды, характерные для этого момента крестьянской свадьбы,— встречать молодых в вывернутой шубе (шубу обычно надевала мать жениха, реже сваха), осыпать молодых хмелем или зерном, расстилать у входа в дом «потник» или белый холст и т. д.

В елецкой слободе Аргамач в конце XIX в. существовал обычай, по которому после встречи новобрачных свекровь подводила молодую к печке, та дотрагивалась до устья, затем свекровь показывала ей, где лежат ухваты и стоят горшки, а в это время родня обращалась к свекрови с вопросом: «Что своей невестке откажешь?», та отвечала: «За водой ходи, избу мети, а сор из избы наружу не выметай».

Игровым характером этого обычая прикрыт, вероятно, более древний и вполне серьезный обычай — приобщения невестки к домашнему очагу мужа, а также наставления, как надо вести себя в доме свекрови.

На окраине города широко бытовал обычай, по которому молодые во время поздравлений угощали родственников вином и кусочком медового пряника, за что родственники одаривали молодых, складывая на специальный поднос подарки (этот обычай напоминает традиционные крестьянские «дары» или «сыр-дары», характерные для южнорусского сва-

¹³ В крестьянской свадьбе, как известно, поезд украшал дружка или его помощник.

дебного обряда¹⁴. Пряник, от которого молодые отрезали кусочки для родственников, был довольно больших размеров, часто на нем изображалось дерево, птица, сирена, иногда двуглавые животные или солнце.

В елецких слободах во время поздравлений молодые угощали родственников куском каравая, что является специфическим элементом южнорусского свадебного обряда¹⁵.

Во всех городских свадьбах веселье открывалось вальсом молодых, если же молодые не умели танцевать, то они просто под музыку обходили гостей по кругу, после чего начиналось угощение чаем и сладостями.

В богатых домах, как мы говорили выше, гостей обслуживали официанты, в среде же разного рода ремесленников, мелких торговцев, рабочих-поденщиков чаем обносила мать того из молодых, у кого происходил «бал». Столы с закусками и вина обычно стояли в одной комнате, которую в этот день называли «буфетной», а танцевали в другой. Естественно, что на городских окраинах танцы и угощение происходили в одной комнате, просто столы расставляли около стен, освобождая таким образом центр комнаты для танцев.

Если чай с различным вареньем, сдобным печеньем и конфетами был обязательным угощением на свадебном «балу» у всех горожан, то десерт (как правило, он состоял из жареного миндаля, фисташек и фруктов) — элемент свадебного меню купцов, крупных чиновников, зажиточных мещан. Подавали десерт обычно в 12 часов ночи. После чая и десерта подавался ужин. Обычно он начинался около трех часов ночи, и к ужину оставались лишь немногие.

Из традиционных блюд надо отметить жареную птицу (куры, утки, гуси), которая обязательно фигурировала на свадебном ужине у всех горожан, а также ветчину с зеленым горошком, холодец, заливную рыбу. В купеческих семьях на стол всегда подавали жареную индейку, украшенную лентами. Никаких традиционных свадебных хлебов в городе не пекли.

У жителей окраин сохранялся традиционный обычай «битья горшков», которое происходило на второй день свадьбы, а также бытовали некоторые традиционные действия, связанные с публичным оглашением невинности невесты. Так, на окраине Калуги дружка, разбудив молодых, выходил к родственникам с бутылкой вина, к которой был привязан красный цветок¹⁶, если невеста девственница, или белый, если она таковой не была. В этом случае иногда обмазывали ворота дома невесты дегтем.

У всех социальных групп города существовал в модифицированной форме традиционный обычай ходить на второй день свадьбы в гости к матери молодой с «именным тортом молодых». Торг с именами молодых и их родителей заранее заказывали в кондитерском магазине.

У жителей окраины города ни одна свадьба не обходилась без ряженых. Ряжеными обычно бывали родственники дальнего колена. Они-

¹⁴ Обряд «сыр-дары» в крестьянском свадебном цикле совершался в конце «большого пира», а иногда повторялся и на второй день свадьбы. Например, в д. Сельверстово Малоярославского района Калужской области на стол ставили разрезанный каравай, кувшин браги, большое блюдо и стакан. За столом рассаживались молодые, родители молодого, его крестные отец и мать и вся остальная родня. Дружка подносил молодой стакан браги, та передавала его мужу, он — своему отцу, который говорил: «Как вы, детки, жить будете? Мы со своей старушкой вот как жили», — целовал свою жену, выпивал брагу, закусывал ломтем каравая и клал на блюдо деньги или подарок. Затем молодых одаривала вся остальная родня.

¹⁵ Н. И. Никольский, Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, М., 1959, стр. 196—204.

¹⁶ Надо сказать, что в традиционной крестьянской свадьбе красный цвет был признаком свадебного торжества, если невеста оказывалась целомудренной. Иногда ветвь калины, воткнутая у новобрачной за намитку служила призывом ко всеобщему веселью. См., например, В. П. Гайдебуров, Брачные подарки, «Юридический вестник», М., 1891, июль — август, стр. 301.

то и исполняли сценки из семейной и общественной жизни, часто носившие эротический характер. Иногда ряженые отправлялись «потехи ради» на центральные улицы, где их окружали толпы зевак и ребятишек.

Наряжались обычно в одежду противоположного пола или одевались горбунами, медведями; на окраине Ельца и в слободах Аргамач, Ламская, Черная рядились еще и «цыганами». Как правило, свадебное веселье в городе заканчивалось на второй день. Правда, в купеческих и богатых мещанских семьях на следующий день после торжества начиналась так называемая визитная неделя, когда в течение семи дней (а иногда и дольше) родственники молодого приходили с визитами к новобрачным, где их угощали чаем с вареньем нескольких сортов и дорогим печеньем. В купеческих семьях в центре стола обычно лежала головка сахара, украшенная лентами, та самая, которую везли в постельном поезде. Визит длился обычно 2—3 часа; происходило как бы более близкое знакомство с молодой. Открывали «визитную неделю» всегда крестная мать и крестный отец жениха (если оба были живы), которые приходили к молодым в первый день и обязательно приносили дорогие подарки. Остальные родственники приходили в последующие дни, строго соблюдая очередность в зависимости от степени родства.

Из всего сказанного видно, что послесвадебный период в зажиточной городской среде длился гораздо больше, чем среди ремесленного населения. Нам кажется, что в значительной мере это можно объяснить материальным уровнем, позволявшим делать дополнительные затраты как средств, так и времени. Что же касается непосредственно визитной недели, то возникает предположение, что этот обычай был в какой-то мере заимствован купечеством и богатыми мещанами из иной среды, стоявшей на более высокой ступени социальной лестницы старого города. Стремление во всем подражать дворянству, быть «благородными» проявилось, вероятно, и здесь.

* * *

В данной работе мы постарались дать, насколько могли, полную картину свадебного цикла, бытовавшего в конце XIX — начале XX в. в изучаемых нами городах. Собранные материалы позволяют сделать вывод, что свадебные обряды в городе были так же разнообразны и неоднородны, как и среда, в которой они бытовали. Но тем не менее в них довольно четко можно выделить те обычаи и обряды, которые бытовали у всех социально-сословных групп города; их можно рассматривать как общегородские. К ним относятся обычаи дарить «жеңихову шкапулку», устраивать дорогу из цветов от церкви до свадебного поезда, украшать свадебный поезд цветами лишь после венчания, объезжать свадебным поездом город по кругу, встречать молодых музыкой и некоторые другие.

Прослеживается и общая терминология свадебных образов и действий. Так, свадебное веселье называлось не иначе, как «балом», который открывался обязательно «вальсом молодых». Интересно, что и в современном городском свадебном обряде «бал», как традиционное название свадебного веселья, продолжает сохраняться. Торт, который приносили матери молодой, у всех социально-сословных групп назывался «именным тортом молодых». Общим для всех жителей города был и порядок угощения на «балу»; сначала чай и сладкое, затем десерт (правда, на окраине города часто обходились без него) и лишь после этого ужин. Разумеется, в зависимости от социальной среды и достатка эти традиционные угощения устраивались более или менее пышно.

Наряду с общегородскими традициями выделяются также и такие, которые наблюдались лишь на свадьбах определенных групп населения. Вспомним хотя бы «визитные недели» или купеческий «постельный поезд» со строгой регламентацией действующих лиц, определенным

порядком в распределении приданого по подводам и обязательной его описью.

Некоторые обычаи встречаются только в определенных профессиональных группах. Так, обычай проверять во время смотрин способность невесты к ремеслу бытовал лишь в среде вышивальщиц и кружевниц и, как мы уже говорили, объяснялся специфическими условиями быта этих групп населения.

Даже при беглом сопоставлении городского свадебного цикла с сельским циклом этого же района видно, что одни моменты традиционной свадьбы (сватовство, смотрины, сговор) сохранялись в городе независимо от социально-сословной среды, другие (девичник, пропон, битье горшков, хождение ряжеными) встречались лишь у жителей окраины города, особенно в тех группах, которые имели наиболее прочные связи с селом.

Некоторые традиционные моменты, характерные для крестьянской свадьбы, — расплетение косы, заставы, раскрытие невесты, малый стол, баня, отводины, обсыпание хмелем не встречались в городском свадебном цикле. Кроме того, в нем отсутствовали обычаи и обряды, связанные с приготовлением и выпечкой свадебных хлебов («каравая», «курника»), которые занимали важное место в крестьянском свадебном цикле.

Можно выделить и некоторые локальные особенности традиционной свадебной обрядности в изучаемых городах. Например, обычай публичного оглашения девственности невесты и все связанные с этим обряды, бытовавшие на окраине Калуги, отсутствуют в Ельце и Ефремове. В то же время «красную красоту» в Калуге символизирует елочка, а в Ельце — белое полотенце с прошовой.

Если сохранение таких традиционных моментов, как битье горшков и хождение ряжеными, было общим для окраин всех изучаемых городов, то в обычае рядиться «цыганами» мы усматриваем специфику, характерную только для окраин Ельца и заимствованную, видимо, из южных великорусских губерний — Орловской, Курской и Тамбовской, где это было широко распространено¹⁷. Продолжали сохраняться, правда, в незначительной степени, традиционные названия отдельных свадебных чиннов, возникших в различные исторические эпохи и связанных с различными их функциями — «дружко», «сватунка», «свах», «блюдник», «повозник», «приданки», «пировые», «постельная свеха» и т. д.

Незначительно также представлены в городском свадебном цикле обычаи ритуально-магического характера, столь характерные для деревенской свадьбы. Это, очевидно, объясняется тем, что христианские напластования в городском цикле выражены значительно сильнее, чем в традиционном крестьянском, что, в свою очередь, объясняется специфическими условиями жизни городского населения.

Таким образом, как видно из всего сказанного, разрушение традиционной свадебной обрядности, которое ускорялось в городе с его ярко выраженным социально-сословным делением, в то же время сопровождалось возникновением и развитием характерных только для города традиций.

SUMMARY

Urban wedding rituals in the end of XIX and of the XX beginning of centuries are examined. The article is based on the author's field work in 1964—65 in the towns and cities of Central Russia. This is the first attempt to describe the urban wedding, to differentiate ritual variants due to social heterogeneousness of the population of capitalist cities, to show its local specific traits and also to trace the presence of elements of the traditional peasant wedding ritual. Urban traditions are also examined with their role in the wedding rituals of various strata of urban population.

¹⁷ Это подтверждается и полевыми материалами Н. И. Лебедевой, собранными ею по этим районам в 1925—1926 гг. и любезно предоставленными нам.